

Руслану З.

Без тебя я не написала бы эту книгу.

Спасибо, что помогал мне творить и открываться, что подстраховывал в сложные периоды, и я поверила в себя и в свои силы. Что напомнил, насколько удивительным может быть мир, если перестать от него что-то требовать. Да, ты негодяй и обманщик, но это не меняет того, что я тебя люблю, друг! Снова обнимаю, М.

Произведение является художественным. Любые совпадения с реальными людьми случайны. Или почти случайны.

И не пытайтесь понять эту книгу, просто прочтите. Помните, что понимание — это утешительный приз для дураков.

Возможно, ведьма — это вовсе не потасканная беззубая карга с выцветшими глазами, артритными пальцами и костлявыми запястьями, а хрупкая бледнолицая нимфа с хрустальным взглядом или рыжеволосая аристократка с острым, как хирургический скальпель, языком. Чтобы обладать колдовскими навыками и менять жизнь всего лишь силой мысли, вовсе не обязательно парковать помело на Введенском кладбище или разливать заболоченное снадобье по пузырькам из мутного стекла. Можно просто родиться женщиной. И этого вполне достаточно.

За последние десять лет в квартире № 41 по адресу: Сретенский бульвар, дом 6, сменились три хозяйки; каждая из них переступила порог этого дома благодаря странной истории, расколовшей жизнь, как грецкий орех плоскогубцами. Казалось бы, этих трех женщин объединяли лишь стены, в которых они проживали, передавая друг другу ключи по наследству. Однако их связывала не только квартира, а нечто куда большее, чем сто метров пространства с гнутой венской мебелью, дореволюционным сервантом производства «Якова и Иосифа Кон», подсвечниками неизвестного происхождения — не то из меди, не то из латуни, и чуланом, похожим на склеп.

У них были раздробленная на троих судьба и участь познать все грани такого обычного и непритязательного чувства, как любовь к мужчине. Созидающая, разрушающая и неизбежная. Как любая несговорчивая стихия.

НАДЯ

ЖИЗНЬ С ЗАСТИРАННОГО ЛИСТА

Надя всегда симпатизировала отрицательным персонажам: Воланду и коту Баюну, например. Они без маски благодетели меняли мир, и, что парадоксально, в лучшую сторону. Любила все темное, с тайнами и вторым дном; собирала подводные камни и людские пороки. Ее всегда манили ритуалы гавайских племен, легенды о Шангри-Ла и обряды тувинских шаманов, но жила она самой обычной жизнью, о которой в некрологе и пару строк не выдавишь.

Честно говоря, Надя не особо планировала обзаводиться квартирой. Тем более в самом центре — в бывшем доходном доме страхового общества «Россия». Нет, учась поблизости в институте электронного машиностроения, она часто гуляла по переулкам Чистых прудов, заглядывалась на красное здание с эркерами и шпилем, любовалась тихим двориком за чугунным резным забором, но даже в самых смелых и воинственных мечтах не думала, что когда-нибудь будет жить на углу Сретенского бульвара и Боброва переулка. Тем более, будучи замужем ардевы веки и проживая давно за пределами окружной, она уже расписала свой досуг до старческой деменции и наполнила его чтением Эмиля Золя в яблоневом саду и распитием с соседками джина с огурцом вперемешку с разведением мединилл.

К своим тридцати трем Надя наполнила себя разочарованием с лихвой. Первое его ощущение пришло спонтанно. После развода отец всегда поздравлял ее

с днем рождения, а тут раз — и забыл. Даже на следующий день не опомнился. А позже бросил и вторую свою семью, когда жена чахла от лейкемии, а дочь Нина свирепствовала под аккомпанемент гормонов. Тогда Надя забрала Нину к себе. Усилием воли она исторгла его из своей жизни, еще и ластиком оттерла воспоминания до чистого листа.

Потом подвел и муж. Проснулась, а на кухне шебуршит чужой человек. И пахнет как-то незнакомо, и до Надиной жизни, как выяснилось, ему нет никакого дела...

Следом со своей скрипкой вступил Набоков. Прочтя «Камеру Обскура», Надя все негодовала, как так... ее кумир, ее микробог, который в итоге обратился в ее представлениях в микроба размером с микрон, гений, которого она обожествляла, вдруг стал глубоко израненным творцом, полным мазохизма и отчаяния. Ей виделось, как позади этого эмоционального колодца стояла эротическая драма, вовремя не разрешенная снятыми панталонами. И не было в нем никакой маскулинности, да и драмы толком не было. Это Надя себе придумала очередного идола. Такое развлечение. Возводить личность в культ, а после ее обличать.

Вообще, наделять мужчин излишней маскулинностью было Надиным призванием. Если бы на иллюзорной мечтательности можно было зарабатывать деньги, она бы возглавила списки богатейших женщин.

К слову, что Надя умела, так это встречать непрощенную любовь расстегнутыми пуговицами. И искренне жалела, что нельзя покрыть девичьи сердца тефлоновым антипригарным покрытием и рассматривать потом воспоминания, как помутневшие постеры рок-идолов, а не кровоточить слезами обиды и неразделенности. Говорят,

время лечит, будто у него в арсенале аптечка, нашпигованная мимолетными антидепрессантами. Надя противилась доказательной медицине и прибегала к лечению народными методами. Случайных любовников она называла «подорожниками». Отчасти потому что умело строила глазки в пробках на въезде в город.

Даже будучи замужем, Надя умела вдоволь насытиться скоротечными приключениями, приклеивая к себе ухажеров подобно листу подорожника, что оттягивает неприятные ощущения из исколотой щербем пятки. А именно из раны, оставленной отчуждением в браке, из которого она не осмеливалась ретироваться.

«Подорожников» в Надином гербарии собралось немало: то она приглянулась жеманному декану исторического факультета, что грезил фантазиями, будто Будда и Христос одно и то же лицо, то на нее клюнул врач олимпийской сборной, который потчевал ее байками про мельдоний, то с Надей случился худощавый радиоведущий с литым торсом и большими долгами, что покупал тюльпаны в кредит, но рисовал воздушные замки с мастерством Боттичелли. Все ее мимолетные ухажеры были тщеславны, милы, дарили ощущение благодати и спокойствия, а потом исчезали, оставив сладковатый привкус ночной похоти, нежной заботы по утрам и нескольких недель тихого иллюзорного «ты мне нужна». На самом деле Надя им была не нужна. Впрочем, как и они ей.

Паровоз времени уже отдалил ее от отметки «тридцать», а веснушки она так и не растеряла — все лицо усеяно ровными аккуратными конопушками, и глаза, миндалевидные, как у кошки, остались хищно-зелеными и не утратили блеск. Природа вообще наделила Надю чем-то кошачьим, и даже в строгом платье-футля-

ре в галчатую полоску она смотрелась не как женщина, а как благородная пантера, просто по нелепой ошибке воплощенная в женском теле. Точеное лицо с тонкими губами, накрашенными винной помадой, с аккуратно, будто коричневым грифелем, очерченными бровями всегда выражало невозмутимость и чуть заметную печаль, которую выражают старческие глаза кокер-спаниелей даже в щенячьем возрасте. Как будто она уже жила, познала и попробовала все на вкус, и родилась она так — чтобы отдать последние долги и кануть в благоговейную вечность.

Но однажды с ней случилось доселе неявленное — чувство, что пронзило до костного мозга и разлилось по венам. Очнулась она, когда уже слишком глубоко нырнула — влюбилась в последнего из мимолетных. Наивно думая, что он очередной «подорожник».

Список мужчин, который Надя иногда составляла в подпитии, а потом искусно рвала на малюсенькие сморщенные кусочки и сжигала в фарфоровом блюде на краю унитаза, всегда имел два столбца. Первый именовался «было, но прошло», второй — «было, но никогда не пройдет». Так вот, последний мимолетный, наверное, никогда не пройдет. Да, его образ никогда не сморщится и не станет линиялым, подобно полароидным снимкам через десять лет после выпускного. Видимо, есть мужчины, которые неизлечимы...

Последний «подорожник» ей подарила осень. Осень, когда она еще была замужем, по утрам заваривала пуэр в чугунном чайнике, не выходила под дождь без зонта и не покидала зоны своего комфорта.

Просто есть люди, влюбленные в осень. Надя была из их числа.

ЛОМАЯ СТЕРЖНИ

Глухой октябрь распустил свои объятия в надежде хоть на какую-то взаимность со стороны горожан. Но те, насупившись, лишь ускоряли шаг, уворачиваясь от хлесткого ветра, что бил наотмашь. Косматый пудель, справив нужду на клумбе с давно отцветшими анютиными глазками, стремглав пустился в сторону подъезда и нетерпеливо царапал дверь, пока его хозяйка, похожая на тучную бюргершу, доставала из глубокого кармана шерстяного пальто ключи. Ее седина, оттененная в лиловый, колыхалась на ветру, как кофейная пена в турке.

Надя несколько раз улыбнулась ей через окно автомобиля, а потом стыдливо отвела глаза. С заднего сиденья раздавалось тихое посапывание. Нет, не будет она опускаться до слезливого сочувствия. И так в окружении ходят вечные слухи о ее истерично-флегматичном характере, мол, Наде только дай повод — она сразу бросится страдать. А тут и повод искать не надо было — сбитая и визжащая на обочине бродячая собака сделала свое дело.

Так уж случилось, что Надя не умела отказывать в помощи. С тех пор как переселила к себе Нину, она стала безотказной. Вечно впрягалась в авантюры: устраивала благотворительные акции для пострадавших от наводнения, мыла полы в хосписе, взяла под патронаж трех старушек в Рязанской области. Во многом эта ее черта была боязнью показаться плохой и черствой. С самого раннего детства Наде прививали... не чувство вкуса и такта, а презренное, тянущее и ноющее чувство вины.

Дочь медсестры и военного, хоть и рожденная в Москве, она помоталась по гарнизонам всласть и в ненависть, училась в бесчисленном количестве школ, разбросанных в диапазоне от Норильска до Воронежа, но где

бы ни находилась, запуская руку в хрустальную вазу с конфетами, испытывала чувство вины и злого умысла. Ваза, как артефакт и практически культовый предмет, перевозилась из квартиры в квартиру, бережно укутанная старыми газетами, и славилась тем, что когда-то была подарена примой оперного театра, королевой красоты и алмазной дивой, только имени ее никто не помнил. За давностью лет. Прима давно уже почил в бозе, ее имя сохранилось разве что на старых черно-белых программках в архивах, а ваза все так же была наполнена конфетами в красочных обертках.

Все началось давно, когда они еще жили в Воронеже. Мать трудилась в сыром и промозглом госпитале на полставки, считала копеечки, выискивала, где гречка на полрубля дешевле, молоко брала на окраине города от коровы Нюры и кипятила в огромной эмалированной кастрюле, а потом разливала по банкам. Вещи штопала, но не выбрасывала, перешивала свои парадные платья в юбки с блузами и надевала их как обновки, когда вся семья переезжала в новый город и начинала новую жизнь с чистого застиранного листа в квартале военнослужащих. Надя была сладкоежкой от бога, это было сильнее ее. Как бы она ни взращивала в себе силу воли, с каким бы упорством и рвением ни бралась латать дыры своего характера, стоило появиться засахаренному кумквату, сливочным тянучкам, обильно усыпанным кокосовой стружкой, или конфетам «Мишки», срывалась. Более того, чаще всего она даже не помнила, как ворочала ручонкой в вазе, нащупывая конфеты, и жадно вгрызалась в шоколад. А потом перепачканный рот, мамины вскрики «Мы же договаривались на три конфеты в день, сама, что ли, не видишь, в какой бедноте живем» и как итог — кариес. В моменты отчаяния мать даже просила

лечить зубы без особой осторожности и анестезии, которую тогда уже начали делать... за скомканные рублики, торопливо положенные в карман медицинского халата.

Каждый раз, оставаясь наедине с пустой вазой и горкой красочных оберток, Надя ощущала острое чувство вины. Чувство вины за сладостные (и сладкие) минуты. Более того, счастье и радость, все яркое и волшебное, что Надя испытывала, было крепким неразрывным узлом сопряжено и связано с ощущением вины. Колким, гулким и въедливым.

Так Надя увязла в прозе жизни, иногда скатываясь в лирику.

Сбитая машиной и лежащая на обочине собака — Надино альтер эго. Она остановилась, потому что увидела в этой собаке себя. Вечно ждущую, что спасение придет извне. Что и ее спасут из серой жизни и съеденного молью, как полушубок с проплешинами, брака.

В случае с собакой спасение действительно пришло, Надя же ее заметила.

Правда, в пятой по счету ветеринарке отказывались принимать собаку без паспорта: не действовали ни деньги, ни угрозы, ни даже женская истерика. В результате уже к закату Наде посоветовали отправиться в какой-то секретный подвал на улице Борисовские пруды. Однако по факту на месте ветеринарки располагалось отделение политической партии. Увиденное — а именно молодые политические активисты с ярко выраженным адаптивным расстройством и стопки агитационных листов с ворчливыми лозунгами — удручало. Второй посетитель, мужчина, тоже был обескуражен. Он ожидал встретить в этом месте компьютерного гения Павла. С собакой на руках Надя командным тоном требовала, чтобы ей сказали, куда переехала клиника.

— Вот, посмотрите, — размахивал перед секретарем телефоном мужчина, — тут он черным по белому пишет адрес!

— Мужчина, обождите! У меня тут дела посерьезнее. Хирург где? У меня собака с перебитой лапой, не видите? — встряла Надя в разговор.

— Слушайте, да вы что, оба издеваетесь? — Секретарь поняла, что так просто от посетителей не отделается.

— Издеваемся. И не уйдем отсюда, пока вы не дадите нам контакты! — цокнула Надя каблуком.

— Ошибка карт, все, что вы ищете на Борисовской улице. У нас тут Борисовские пруды. Чуете разницу? — Она вдруг принялась и заметила, как собака пускает аккуратную струйку прямо на ее туфли.

— Да вас надо с собой на переговоры брать! Вы ж лютого продавите! — подметил мужчина, глядя на Надю, и, чуть замешкавшись, добавил: — Игорь! — протянул он руку.

Игорь был невысоким, крепеньким, как лесной боровичок, и немного неуклюжим. Коротко стриженный, чтобы скрыть редящие виски и лысеющий затылок, он мог бы сойти за бритоголового бандита, если бы не очки в прозрачной оправе и не интеллигентные узкие, аккуратные черты лица: заостренный подбородок с ложбинкой и ровно очерченные скулы. Ему бы программы на телеканале «Культура» вести, поговаривали иногда в его родном городе Соль-Илецке.

В старших классах Игорь подрабатывал диджеем на дискотеках, носил бакенбарды, никогда не отказывал себе в дорогих сигаретах, которые ему привозил двоюродный брат из Америки, и любил блондинок.

Женщины вроде Нади были для него в диковинку. Таких он опасался и старался с ними не связываться,

считая высокомерие крайне разрушительным человеческим недугом.

— Я бы пожалала вам руку, но у меня, как видите, бродячая собака, которую я пытаюсь реанимировать уже полдня. И которая только что на всех нас написала. Я Надя, — пошла она на уступки.

— Надежда. Веры и любви не хватает для комплекта. — Игорь коснулся локтя Нади, вроде как поддерживая не то ее, не то собаку во время подъема по лестнице. Когда они наконец выбрались из подвального помещения в серую унылую осень, Надя обернулась и ответила:

— Ну, знаете... Зато надежда умирает последней. После веры и уж точно после любви.

— Черт с ними. Давайте кофе выпьем! — предложил Игорь, хотя кофе категорически не пил. От любых проявлений кофеина сердце начинало стучать, как отбойный молоток.

— У меня собака и поиски ветеринарки, — шикнула Надя, стряхивая с пальто шерсть.

— А после них? — Игорь не отступал.

— Тогда езжайте за нами. Или вместе с нами, — больше не петушилась она.

— Или вы пересядете ко мне, — изворотливо пытался Игорь настоять на своем.

— Нет, уж лучше вы ко мне, будете держать собаку и чертыхаться, как я мерзко вожу машину. Ах да, и до радиоприемника дотрагиваться я запрещаю.

Когда Надя кем-то очаровывалась с первого взгляда, организм сразу включал инстинкт самосохранения и своим холодным тоном вроде как отпугивал объект, излучающий опасность, способный нанести ей колюще-режущие в область нижней чакры. Однако у Игоря эти холодность и неприкрытый сарказм включали ре-

жим «получить во что бы то ни стало». Он безропотно припустил за ней следом.

— Слушайте, почему вы заранее так негативно ко мне настроены? — Игорь шел, чуть отставая. На высоких острых каблуках Надя была выше него практически на голову. Он не мог до конца понять, смущало его это или, наоборот, радовало, но поравняться с Надей на пути к машине он так и не решился. Хотя, возможно, его просто настораживал слюнявый бродячий пес с перебитой лапой.

— Что вы, это не негатив, а, скорее, реализм.

— Реализм? Послушайте, Надя, только конченная идеалистка будет тратить полдня на поиски ветеринарки для собаки, которая не имеет к ней никакого отношения.

— Ну, конченная или не конченная — это жизнь покажет, а пока лучше откройте дверь и расстелите там одноразовую пеленку, — выдала она поручение.

Игорем уже много лет никто не командовал. У него не было ни начальников, ни шефов, лишь партнеры, которые, конечно, могли с ним поспорить, но крайне уважительным тоном. И тут эта высокомерная веснушчатая выскочка... Что она о себе возомнила?

Хотя, что скрывать, Игорю это понравилось.

— Игорь! Вы не обижайтесь, если я была грубой, — обмолвилась Надя, когда они уже забрались в машину. — Я просто устала. Не принимайте на свой счет.

— Вам сложно будет мне поверить, но я вообще не умею обижаться на людей, что бы они ни делали.

— Так не бывает. Вы что, адепт тайного общества или сектант? — в шутку ерничала Надя.

— Да, — без всякого смущения ответил Игорь.

Надя не поверила ему и скомкала губы в полуулыбке.

«СЕКТАНТСКОЕ» ПРОШЛОЕ

Игорь родился в середине семидесятых под Оренбургом, в городе Соль-Илецке, известном колонией «Черный дельфин», где отбывают пожизненный срок разномастные душегубы.

Мать Игоря работала на бальнеологическом курорте, в восстановительной больнице, сначала санитаркой, а потом доросла до завхоза. Отец же служил надзирателем в колонии. Он был человеком хладнокровным, жестким и крайне безэмоциональным. Мог, например, за семейным ужином абсолютно ровным голосом поведать историю очередного каннибала, который написал кулинарную книгу по мотивам своих изуверств.

В детстве Игоря всегда потрясало умение отца абстрагироваться и воспринимать ситуацию, не пропуская сквозь себя. Видимо, этим его наградила профессия. Наверное, ни одна психика не выдержит работы в колонии строжайшего режима, где царят безысходность, мрак и тлен, если вдруг человек начнет кому бы то ни было сочувствовать. Не столь важно: жертвам или преступникам, которые с удовольствием предпочли бы смерть своему заключению.

По сути дела, одной из главных задач надзирателей было следить, чтобы никто из узников не покончил с собой или не убил другого, терять-то им уже было нечего. Многие ударялись в веру. В начале девяностых самой закладываемой в колонию книгой была Библия.

Когда отец приходил домой, он сорок раз подтягивался на шведской стенке, чтобы сбросить напряжение дня. Детей никогда не бил, на горох и в угол не ставил. Но его молчания (именно так он реагировал на конфликты в семье) боялись все домочадцы.

Младшие братья Игоря, близнецы Витя и Виталик, росли редкими шалопаями: у отца к тому времени смягчился характер, а мать была уже не в том возрасте, чтобы строить кого-то. Вся строгость оказалась вымещена на Игоре. Может, поэтому, вопреки теории вероятности и прогнозам соседей, именно он в семнадцать лет сбежал из Соль-Илецка в Москву. И не просто сбежал, а поступил в Юридическую академию. Так Игорь оказался в центре столицы, где подрабатывал в небольшой интернет-компании: сначала подключал телефонные модемы и настраивал их за тридцать долларов (тогда оплата шла исключительно в валюте), а позднее прокладывал оптоволоконную связь. Этого хватало на развлечения, выпивку и импортные сигареты. Их по-прежнему присылал брат, однако если посылка вдруг задерживалась, приходилось ехать на Новый Арбат, где втридорога можно было приобрести американский табак.

Комнату в общежитии Игорь делил с соседом Васей, который грезил Поднебесной и неустанно подбивал Игоря на авантюры фразами: «Блин, ты не понимаешь, за Китаем будущее», тихо откладывая деньги на билет до Пекина и обратно. Вася был уверен, что болтливость и чуйка Игоря вместе с его знаниями и прозорливостью сделают свое грязное финансовое дело. Произнося «грязное финансовое дело», он жуликовато хихикал, что делало его не коварным манипулятором, а озорным подростком в теле взрослого человека.

В 1991 году, едва Игорю стукнуло восемнадцать лет, он оказался на тренинге Вернера Эрхарда*, что проходил в Москве. В Штатах тогда только вышла скандаль-

* Вернер Эрхард — основатель крупнейшего движения, получившего название EST (Erhard Seminars Training), оказавшее серьезное воздействие на развитие человеческих возможностей.